ЧАСТНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ КОЛЛЕДЖ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

ЛЕКЦИЯ 32. ТЕМА 4.2. О.Э. МАНДЕЛЬШТАМ. СВЕДЕНИЯ ИЗ БИОГРАФИИ.ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПОЭТА «ВЕКУ-ВОЛКОДАВУ»

Жизненный путь: от Варшавы до пересыльного лагеря

Осип Эмильевич Мандельштам родился 3 (15) января 1891 года в Варшаве, в еврейской семье. Его отец, Эмиль Вениаминович Мандельштам, был купцом первой гильдии, мастером перчаточного дела — это давало семье право жить вне черты оседлости. В 1897 году семья переехала в Санкт-Петербург. Мать поэта, Флора Вербовская, происходила из обрусевшей еврейской интеллигентной семьи и занималась культурным развитием сына: он рос с гувернантками-француженками и швейцарками, обучался музыке, иностранным языкам.

С 1900 по 1907 год Мандельштам учился в Тенишевском коммерческом училище — одном из лучших учебных заведений Петербурга, где применялись новейшие методики: не было дневников и наказаний, зато имелись обсерватория, театральные залы, лаборатории. Здесь Осип увлёкся театром, музыкой и написал первые стихи. Родители не одобряли поэтических опытов сына, но его поддержал преподаватель словесности — поэт-символист Владимир Гиппиус.

После училища Мандельштам уехал за границу: слушал лекции в Сорбонне, изучал романскую филологию в Гейдельбергском университете, путешествовал по Италии и Швейцарии. В Париже он познакомился с Николаем Гумилёвым, ставшим его соратником по литературному цеху. Несмотря на обучение в трёх университетах — Сорбонне, Гейдельбергском и Петербургском, — Мандельштам не окончил ни одного из них.

Литературный дебют и акмеизм

В 1910 году стихотворения Мандельштама впервые были опубликованы в журнале «Аполлон». Раннее творчество тяготело к символистской традиции — поэт посещал лекции Вячеслава Иванова в «Башне», бывал на собраниях у символистов. Однако, познакомившись с Гумилёвым и Анной Ахматовой, Мандельштам вошёл в «Цех поэтов» и стал одним из основателей акмеизма.

19 декабря 1912 года в кабаре «Бродячая собака» была впервые публично оглашена программа акмеизма. Акмеисты (от греч. *akme* — вершина, цветение) провозглашали материальность, предметность тематики и образов, точность слова — в противовес символистской неопределённости и туманности. Мандельштам называл акмеизм «тоской по мировой культуре» и «органической школой русской поэзии».

В 1913 году вышел дебютный сборник «Камень», переизданный в 1916 и 1921 годах. Название было неслучайным: камень — ключевая метафора акмеизма, материал, из которого зодчий строит собор, символ предметности и осязаемости поэтического слова.

Скитания, любовь и зрелое творчество

Личная жизнь Мандельштама была не менее бурной, чем литературная. Весной 1915 года он познакомился в Крыту с Мариной Цветаевой. Между поэтами возник яркий роман, они обменивались стихами и письмами; Цветаева «дарила Мандельштаму Москву». После разрыва Мандельштам был настолько подавлен, что подумывал уйти в монастырь.

В мае 1919 года в киевском клубе «Х.Л.А.М.» (Художественный литературно-артистический магнетический) Мандельштам познакомился с 20-летней художницей Надеждой Хазиной. Утром следующего дня они купили обручальные кольца. Официально поженились 9 марта 1922 года в Киеве. Надежда Яковлевна стала верной спутницей поэта, выдержала с ним ссылки и сохранила его поэтическое наследие — переписывала стихи, прятала рукописи по тайникам, заучивала наизусть.

После Октябрьской революции Мандельштам скитался по России, Украине, Грузии. У него был шанс уехать с белогвардейцами в Турцию, но он остался в России. Сборник «Tristia» (1922), названный по аналогии с «Скорбными элегиями» Овидия, написанными в изгнании, стал одним из важнейших поэтических циклов зрелого Мандельштама.

В 1925 году Мандельштаму стали отказывать в печати стихов. Почти на пять лет он отошёл от поэзии, обратившись к прозе и переводам. В этот период созданы автобиографическая повесть «Шум времени» (1925), повесть «Египетская марка» (1927), очерки «Путешествие в Армению» (1933). Последние прижизненные книги — «Стихотворения» и «О поэзии» — вышли в 1928 году.

Противостояние «веку-волкодаву»

Стихотворение «За гремучую доблесть грядущих веков…»

Центральное стихотворение так называемого «волчьего» (или «каторжного») цикла написано 17–28 марта 1931 года. Оно пророчески предсказало будущую сибирскую ссылку поэта.

За гремучую доблесть грядущих веков, За высокое племя людей — Я лишился и чаши на пире отцов, И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав, Но не волк я по крови своей: Запихай меня лучше, как шапку, в рукав Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы, Ни кровавых костей в колесе; Чтоб сияли всю ночь голубые песцы Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течёт Енисей И сосна до звезды достает, Потому что не волк я по крови своей И меня только равный убьёт.

Образ «века-волкодава». Это зооморфная метафора тоталитарной эпохи, хищной и безжалостной. В стихотворениях 1920-х годов (например, «Век», «1 января 1924») Мандельштам уже вёл диалог со своим временем: тогда век представал как зверь с перебитым хребтом, а лирический герой видел себя его неотъемлемой частью, готов был прийти ему на помощь. Теперь же век проявляет свою хищную сущность — он волкодав.

Композиция. Кольцевая: первое четверостишие — экспозиция (утрата), следующие три — замкнутый круг, начинающийся и заканчивающийся мотивом «не волк я по крови своей». Дважды повторенная строка подчёркивает принципиальное несходство поэта с жестоким веком.

Конфликт. Лирический герой оказался чужд и старому миру («пир отцов»), и новому («век-волкодав»). Он добровольно отказывается от покоя, чести и веселья ради «гремучей доблести грядущих веков» — ради будущего, в котором может существовать «высокое племя людей». Спасение герой ищет в первозданной природе Сибири: Енисей, сосна, достающая до звезды, голубые песцы — «одухотворённое пространство свободы», достижимое лишь ценой жертвы.

Финальная строка «И меня только равный убьёт» трактуется неоднозначно: как предчувствие гибели, как утверждение бессмертия поэзии (у поэта нет равных — значит, его невозможно убить), как заявление права на суд равных. Но в любом случае это декларация гордого одиночества и человеческого достоинства.

Художественные средства:

• **Метафоры:** «век-волкодав», «гремучая доблесть грядущих веков», «кровавые кости в колесе»

• **Сравнение:** «Запихай меня лучше, как шапку, в рукав»

• **Гипербола:** «И сосна до звезды достаёт»

• **Метонимия:** «жаркой шубы сибирских степей»

• **Размер:** разностопный анапест, перекрёстная рифмовка (abab), мужские окончания

Эпиграмма на Сталина и гибель поэта

В ноябре 1933 года Мандельштам написал стихотворение «Мы живём, под собою не чуя страны…» — беспощадную эпиграмму на Сталина. Поэт читал его нескольким знакомым, в том числе Борису Пастернаку, который назвал это «самоубийством, которого я не одобряю и в котором не хочу принимать участия». Мандельштам уничтожил бумажные записи, но его жена Надежда и друг семьи Эмма Герштейн выучили стихотворение наизусть.

Один из слушателей донёс. В 1934 году Мандельштам был арестован. По свидетельству ряда источников, Сталин распорядился: «Изолировать, но сохранить». Поэта сослали сначала в Чердынь (Пермский край), затем — благодаря заступничеству Николая Бухарина — перевели в Воронеж.

Воронежская ссылка (1934–1937) была временем крайней нужды, но поэт не прекращал писать. Стихотворения этого периода вошли в «Воронежские тетради». После окончания ссылки Мандельштаму было запрещено жить в столицах. В мае 1938 года его вновь арестовали и приговорили к пяти годам лагерей за «контрреволюционную деятельность». 27 декабря 1938 года Осип Эмильевич Мандельштам скончался в пересыльном лагере на Второй речке под Владивостоком. Причина смерти и место захоронения точно не установлены; по разным версиям — от тифа, паралича сердца или истощения.

Произведения Мандельштама были под запретом в СССР около двадцати лет. В 1987 году поэт был реабилитирован.

Поэзия Мандельштама. Мысли-образы

Поэзия Мандельштама — это поэзия **культуры**, а не природы. Её материал — не личные переживания, растворённые в лирическом «я», а мировая культура во всём её объёме: античность, средневековье, архитектура, музыка, наука. Мандельштам определял акмеизм как «тоску по мировой культуре», и это определение точнее всего описывает его собственную поэтику.

Архитектурные метафоры. Ранняя лирика Мандельштама пронизана строительными, архитектурными образами. Стихотворение «Notre Dame» (1912) уподобляет идеальное поэтическое творчество совершенству готического собора. Камень — от булыжника до колонны — становится символом плотности, осязаемости и сопротивления материала, из которого зодчий-поэт строит своё произведение.

Эллинизм и античность. Мандельштам обращается к античности не как к музейной древности, а как к живому культурному коду. Одиссей, Овидий, навигация, изгнание — эти образы позволяют ему говорить о современности через призму вечных сюжетов. Сборник «Tristia» прямо отсылает к Овидию, писавшему «Скорбные элегии» в ссылке.

Мысль-образ. Особенность мандельштамовской поэтики в том, что мысль у него не предшествует образу и не следует за ним — она **есть** образ. Разделение формы и содержания здесь невозможно: мысль существует только в плоти слова, а слово — только как носитель мысли. Это касается и ранних стихов, и зрелой лирики 1930-х годов, где философские размышления о времени, судьбе, смерти облекаются в конкретные, осязаемые образы: «век-волкодав», «сосна до звезды», «кровавые кости в колесе».

Философская лирика. Мандельштаму свойственны:

• Обращение к античности как к живому собеседнику

• Осознание ценности жизни самой по себе — прямая связь с акмеистским принципом самоценности каждого явления

• Мотив гибели, трагизма мироощущения, связанный с биографией и исторической эпохой

• Диалог с «веком» — от ранних стихотворений 1920-х годов до «века-волкодава»

Концентрация и плотность. Метафоры Мандельштама — не украшение, а способ мышления. Они «течь», становясь, по выражению самого поэта, «гераклитовыми»: твёрдая «поэтическая материя» в них превращается в текучую, подвижную субстанцию. Поэтическое слово становится своего рода иероглифом, «пучком» смыслов, торчащих в разные стороны.

Теория поэтического слова О.Э. Мандельштама

Мандельштам не был систематическим теоретиком, но в ряде статей — «Утро акмеизма» (1912), «Слово и культура» (1921), «О природе слова» (1922) и в итоговом эссе «Разговор о Данте» (1933) — он изложил оригинальную и глубоко продуманную концепцию поэтического слова.

Слово как таковое

В статье «Утро акмеизма» Мандельштам формулирует ключевое положение: «Эта реальность в поэзии — **слово как таковое**». Он оспаривает традиционное разделение слова на форму и содержание, где содержанием считается смысл (Логос), а всё остальное — механическим «привеском». Мандельштам утверждает: «Логос требует только равноправия с другими элементами слова». Сознательный смысл слова — такая же прекрасная форма, как музыка для символистов.

Против символизма и футуризма

Мандельштам критикует оба предшествующих направления:

• **Символисты** «запечатали все слова, все образы, предназначив их исключительно для литургического употребления». Они видели в здешнем мире лишь отблеск «иной» реальности и потому были «плохими зодчими» — не умели строить в трёх измерениях, презирая материальный мир.

• **Футуристы** «выбросили смысл за борт» и тем самым «повторили грубую ошибку предшественников». У них «слово как таковое ещё ползает на четвереньках», тогда как в акмеизме оно «принимает более достойное вертикальное положение и вступает в каменный век своего существования».

Архитектура как модель поэзии

Мандельштам уподобляет поэтическое творчество зодчеству: «Зодчий говорит: я строю — значит, я прав». Булыжник под руками зодчего превращается в субстанцию. Звук долота, разбивающего камень, — «метафизическое доказательство». Камень Тютчева, «с горы скатившись, лег в долине» — это слово, голос материи, звучащий «как членораздельная речь». На этот вызов можно ответить только архитектурой.

«Разговор о Данте»: слово в движении

В «Разговоре о Данте» (1933) — итоговом теоретическом тексте Мандельштама — концепция поэтического слова обретает максимальную глубину. Ключевые положения:

1. Поэтическое слово — пучок смыслов. «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку». Произнося «солнце», мы «совершаем огромное путешествие, к которому настолько привыкли, что едем во сне». Поэзия «будит нас и встряхивает на середине слова».

2. Целое произведение — единое слово. «Любое стихотворение — будь то строчка, строфа или цельная композиция — необходимо рассматривать как единое слово». Слово не есть готовый смысл, «выброшенный из себя», а переживаемый цикл.

3. Поэтическая речь — скрещённый процесс. Она складывается из двух звучаний: первое — «изменение самих орудий поэтической речи, возникающих на ходу в её порыве»; второе — «интонационная и фонетическая работа, выполняемая этими орудиями». Поэзия «не столько рассказывая, сколько разыгрывая природу при помощи орудийных средств, в просторечье именуемых образами».

4. Против линейности. Данте, по Мандельштаму, «отрицает линейный синтаксис». Композиция его песен напоминает «неустанное обращение голубиных почт»,

«извилистые траектории пути по реке, загромождённой подвижными и разноустремлёнными китайскими джонками». Поэтическое слово не движется по прямой — оно лавирует, как парус.

5. Генезис стиха. Мандельштам описывает рождение поэтического текста как «оплотнение, кристаллизацию первичного порыва», который «послойно застывает в вербальном материале». Внутренний образ стиха, стоящий у начала текста, — это «композиционный сгусток», где смыслы сосуществуют нераздельно, и лишь затем расплетаются в синтаксис и звучание.

Итог: органическая поэтика

Мандельштам мечтал об «органической поэтике биологического характера», которая объясняла бы «трансформацию духа в материю». В статье «О природе слова» он отмечал «чрезвычайно быстрое очеловечивание науки», благодаря которому «представления можно рассматривать не только как объективную данность сознания, но и как органы человека, совершенно так же точно, как печень, сердце». Слово у Мандельштама — живое, дышащее, разумное вещество, имеющее свои, независимые от человека законы существования.